

Встреча Нового Года в «Звездочке»

В ту зиму путевки в зимний лагерь нашим родителям не достались ни моим, ни моего товарища и соседа по дому Алексея. Отцы наши слесарили в Институте, поэтому кроме трудовых побед ни чем особым себя не зарекомендовали, а мест было немного вот им и не досталось.

Но это же немыслимое дело двум переросткам неполных 15 лет таскаться по елкам за коробочками с подарками, прыгать зайчиками и водить хороводы. Как говорят сегодня: «Реально мозг вытечет!» Поэтому, практически на второй день каникул, мы с приятелем собрали в рюкзаки самое необходимое, взяли у родителей по «червонцу» денег и, закинув на плечо старенькие деревянные лыжи, поехали на электричке в лагерь, так сказать, «явочным порядком»! Где наша не пропадала! Выгонят вернемся, а не

выгонят погостим! Для компании взяли еще одного нашего приятеля из нашего же дома.

Это сколько же романтики, братцы, выйти из дома в 6 часов утра зимой, прыгнуть в пустой промерзший автобус, процарапать в заиндевевшем стекле дырочку и наблюдать через нее как в калейдоскоп за огнями в темном спящем городе! Метро только просыпалось. Редкие пассажиры, зевая, проходили в пустые вагоны на нашей почти конечной станции «Водный стадион» и прятали свои сонные лица за газетками, книжками или просто свесив голову на грудь и нервно подкидывая ее, когда сон становился слишком глубоким. Не спать!

Но не спали только три недоросля с «дровами» и рюкзаками, странно одетые в телогрейки и шапки ушанки, живо обсуждающие новые приключения, которые еще даже не случились, но уже чувствовались зудом под кожей, от чего странная компания, похожая на юных друзей лесников-полярников, все время находилась в движении, переминаясь, переставляя свои лыжи, пиная рюкзаки подальше с прохода.

Белорусский вокзал. Во время Великой Войны отсюда шли эшелоны на фронт с солдатами, танками, боеприпасами. Тяжелые орудия под чехлами на открытых платформах и теплушки с высунувшимися лицами бойцов не на много старше нашего утекали под перестук чугунных колес в этот адский котел с названием «война», где варилось адское зелье из загубленных судеб, жизней, разрушенных семей. Густо приправленное стертymi снарядами городами и поселками, деревнями и полустанками, это месиво исходило шрамами пехотных траншей, язвами противотанковых рвов, фурункулами бомбовых воронок по которым текли кровь, боль, отчаянье. И только вера, мужество и героизм смогли из этого смердящего варева сварить то, что до сих пор мы называем «ПОБЕДА»!

Купив билеты до станции «Садовая» за 1 рубль 20 копеек мы расположились в тамбуре, поскольку сидячих мест в вагоне электрички уже не было, а со всем нашим скарбом толкаться среди людей не хотелось.

Поездка шла обычным чередом, только при подъезде к станции Одинцово народ странным образом повалил в тамбур и следующие вагоны. Причина выросла как из-под земли в виде двух дородных тетешек и щуплого мужичка с компостером, проверяющих билеты. Ушлый народ уже давно перебежал в безопасное место, а в нашем вагоне чихвостили новичков, позабывших или не успевших купить заветный кусочек бумаги с названием «билет».

Видимо наш неординарный вид породил в проверяющих особые чувства, ибо они оценили нас по своей классификации как потенциальных «зайцев».

Процедура проверки проходила по всем правилам войсковой операции или охоты на кабана (а может другого крупного зверя). Вынырнувшая в тамбур первая тетенька даванула на нас косяка и тотчас ретировалась. Через минуту вышел щуплый дяденька и стал спиной, разглядывая что-то за темным морозным стеклом, совсем не случайно загородив двери на выход в ожидании очередной станции. Резко раздвинув двери, из вагона появились две Снегурочки с красными повязками на рукавах и лицами задержавшихся на сверхурочную работу дружинниц. Одна из них перекрыла двери в тамбур, а другая закрыла амбразуру дверей за своей спиной. Наступила кульминация блестяще проведенных маневров. Ее участники жаждали награды и лавров победителей.

— Ваши билетки, молодежь! — игриво с легкой издевкой пробасила тетенька—«вратарь», сдерживая раздвигающиеся двери, в которые начинал рваться народ, добравшийся до станции своего назначения.

— Вот, а родители, поди, не знают, что вы в электричках темно ездите? — участливо, но неожиданно пискляво вставил дяденька.

Мы не ожидали такого напора, и засуетились поддержать поползшие куда-то при торможении поезда лыжи. Действия оказались несколько нервными и хаотичными. Видимо их расценили как попытку прорыва из западни, поскольку тетенька - «вратарь» надсадно пробасила:

— Стоять! От нас еще ни кто не убежал!

Из-за спины тетеньки-«вратаря» стал выходить народ, толпясь в тамбуре в ожидании остановки поезда. Неловкая ситуация была тривиальна поймали очередных «зайцев». На нас пялились чужие глаза, и взгляды были всякие.

— Чего к пацанам пристали? Это ж дети, пусть едут! — хрипато выдавил продаиравшийся из толпы пролетарий.

Но тут же, перебивая простуженный баритон, заголосила какая-то старушка:

— Глядикось, поймали! Вот ведь, ездют, а денег не плотють! Молодые ещо, а морды-то смотри какие злющие. А надо спросить, где они лыжи-то взяли, может, украли? Держите их крепче! Вот из таких и вырастают бандиты! Убегут еще!

А мы и не собирались. Два хорошиста и один почти отличник с оценками «примерно» по поведению и грамотами за активную работу достали заветные бумажные квиточки и сунули их под нос блюстителям правопорядка.

Занавес! Открылись двери вагона, и дружно выдохнув в морозное утро застоявшийся воздух, толпа пассажиров вывалилась на перрон. Проводив взглядом последнего и дождавшись, когда снова закрылись двери, первая тетенька прогундела себе под нос: «С богом!» — и, рванув на себя железную дверь тамбура, прошла в соседний вагон, пробиваясь сквозь стоящих в проходе до следующего тамбура, отсекая как на охоте пути к отступлению. Через две минуты за ней последовали женщина-«вратарь» и щуплый мужичонка, до сего мгновения безразлично толкавшиеся вместе с нами, словно картофелины в мешке.

Воздух на платформе, взбаламученный уходящим в пургу поездом, резанул по ноздрям хвойной морозной свежестью стоящего в снегу леса и придавил перепонки в ушах наплывающей тишиной. Точнее, звуки были, но не те, к которым мы привыкли в городе монотонный гул шоссе, перетренькивания трамваев, голубые прострелы скорой и милиции.... Это были звуки падающего по веткам снега, сбитого белкой, хруст прихваченных морозом стволов, потрескивание кустов и скрип снежного наста.

Отойдя от платформы метров 50, мы бодро рассупонили свои «дрова», закинули за спины шмотники и двинулись навстречу любимому пионерскому лагерю.

Раскинувшееся за лесом поле встретило нас твердым настом, и мы покатались по нему, первозданному и не ведающему лыжни, по кратчайшему пути, подгоняемые попутным ветерком, навстречу не очень ясному, но уже вполне оформившемуся на горизонте солнцу, прячущемуся в морозной дымке утра.

— Эх вы, неслухи! Не смогли просто так отсидеться в Москве. На волю вас, видишь ли, потянуло! — по-отечески пожурил нас начальник лагеря.

— Ладно, деньги за питание отдайте сестре-хозяйке, и что б все согласно пионерскому расписанию! Без замечаний!

Оставив выделенные родителями «червончики» мы налегке отправились располагаться в отряд.

Из четырех палат в корпусе одна была незанята. Точнее в ней устроили что-то типа «красного уголка» поставили елку, телевизор, проигрыватель и оставили три койки вместо диванов. В ней устраивались вечерние посиделки, огоньки, здесь же решили встретить Новый Год.

А тут мы, вот вам здравсье!

Понятное дело, лыжи мы оставили на веранде, а шмотники загнали под кровати. Получилось вроде как на сцене в клубе во время летних гостеваний.

Надо сказать, что отношения пионеров с вожатыми в зимнем лагере существенно отличаются. Меньше народа, далеко не убежишь, необходимость переодеваться три-четыре раза в день все это делало вожатых мягче, а пионеров терпимее. Тесные отношения становились практически семейными, доверительными, что расслабляло.

Переночевав в комнате с телевизором, мы ни как не хотели вставать, хотя все уже ушли на завтрак. Еще бы, до трех ночи смотрели телевизор, а потом еще в картишки перекинулись. Не потому что очень хотелось, а потому, что почувствовали свое

привилегированное положение, и глупо было не воспользоваться этим.

Короче, в столовую мы завалились в самом конце завтрака, и получив предупреждение быстренько слопали что называется «за себя и за того парня». Лыжная гонка нас не сильно вдохновляла, поэтому придумав банальный предлог, мы улизнули с мероприятия, и направили свои стопы в сторону деревни Хомяки.

Какой же поразительной красоты перед нами стоял лес! Корабельные сосны слегка покачивались просыпая через кроны как муку через сито легчайший снежок, невесомо и лениво падающий из бесконечности немного серого, но от того еще более глубокого неба. На его фоне серебристые снежинки играли светом, отражая пробивающиеся отблески солнца от лепестков своих резных граней. Под ногами скрипел снег. Нет, это был не просто снег, убегающий бесконечностью равнины за горизонт, слегка подтаявший, а потом замерзший в толстую корку мечты серфингиста. Нет, это был пух, который из-за отсутствия веса даже не прессовался, оставаясь воздушным как в хорошей подушке, взбитой руками мамы.

Залетный ветерок, стгоряча ворвавшийся с полей в лесную просеку, выюжил его, заворачивая в спирали и поднимая вверх, а потом, бросал как надоевшую игрушку, чтобы снова умчаться туда, где размах и ширь полей оставляли простор для безудержной гонки, чумовой скорости и захватывающего дух драйва!

Мы шагали по дороге расчищенной трактором вдоль опушки леса к заветной деревне. Поразительно, еще двести лет назад, разместившись всего-то в километре или двух от новой смоленской дороги в густом лесу, деревня пережила французское нашествие, а 80 лет назад немецкое. В нескольких километрах от нее стоит деревня Петрищево, где погибла Зоя Космодемьянская, а в этом самом лесу действовала ее диверсионная группа.

Сколько еще тайн и историй хранит этот лес, такой спокойный и такой невозмутимый в своем величии!

Трамбуй снег легкими шагами, наши молодые ноги в валенках несли нас к заветной цели совершенно с другим заданием, отчего

в душе не было возвышенной цели, а память и сермяжная проза дня конфликтовали между собой, оставляя некий дискомфорт.

Пацанье есть пацанье! Вот нас и попросили купить сигарет и что-нибудь выпить, дабы по-пацански встретить Новый Год. Не подумайте, мы и сами собирались совершить что-то в этом плане, но в общении с друзьями мысль окрепла и требовала реализации. Конечно же, вожатые ни о чем догадаться не должны были.

Итак, мы топали, веселя себя неказистыми шутками, толкаясь и валяясь в снегу, пока не дошли до цели путешествия. Неказистый деревянный сарай с закрытыми ставнями, на которых висели огромные амбарные замки, отсвечивал красной лампочкой на крыльце, говоря всем и каждому: «Смотрите! У меня есть сигнализация! И не смейте даже думать, чтобы забраться сюда!».

Отчужденность этого здания подчеркивало его расположение. Все дома в деревне стояли по одну сторону дороги или главной улицы, а магазин по другую. Вот такой вот эксклюзив!

Хлопочущая за прилавком тетенька спросила через плечо:

— Че вам, сынки? — чем привела нас в замешательство.

Мой друган, Леха первым пришел в себя, и важно выступив вперед, произнес:

— А нам «Стюардессы» двенадцать пачек! И это, вина!

На этом его форс закончился. Сдувшись, как шарик, он стал за наши спины, ожидая, что будет дальше.

Конечно, хорошее московское питание позволило нам надеяться, что выглядим мы по-взрослому, но что греха таить, салаги и есть салаги! Мы стояли и с ужасом ждали, а не отходит ли нас тетенька веником и не оттакает ли за ухо, вот таких крутых недорослей, вместо того, чтобы продать сигареты и вино.

Но, равнодушно собрав с полок требуемое, она положила все в плетеную сумку для картошки, которую за глаза называли «авоськой», и назвала цену. Мятые бумажки дензнаков и сэкономленные грошики от школьных завтраков были вывалены в тарелку на прилавке.

Пробубнив под нос вежливое «спасибо», мы забрали покупки и направились к выходу.

— Отцам бы вашим рассказать, куда вы их деньги тратите! - послышалось из-за прилавка. Словно удар хлыстом по нижней части спины вытолкнул нас из полумрака электрической лампочки, царившей в лабазе, на воздух. На свет!

Довольные, что все кончилось всего лишь незатейливым напутствием, мы возвращались навеселе, гремя тяжелыми, как артиллерийские снаряды, бутылками «Белого крепкого».

Обратная дорога была легче и быстрее. Только однажды пришлось прятаться за деревьями, когда навстречу нам показалась лагерная машина. Кто знает, чего ждать от случайной встречи.

После насыщенного дня полного спортивных соревнований: лыжной гонки, хоккея и соревнований по санному спорту сил осталось немного, но каждый ее ньютон был положен на алтарь подготовки и встречи Нового Года!

Убранство зала для торжественной встречи в свои руки взяли девочки. Вместе с вожатыми они нарезали море ажурных снежинок, которые залепили оконные стекла, повисли гирляндами через всю нашу комнату, свисали вместе с цветным лентами серпантина, причудливо осели на дверном косяке, стенах, в букетах сосновых веток. Настоящая елка в ведре с песком блестела шарами, допотопными зайчиками и снеговиками, вырезанными из картона, обклеенными ватой и крупой из колотых стеклянных новогодних игрушек. Огромная звезда светилась рубиновым светом на макушке, словно заимствованная с одной из башен московского Кремля, а вместо тиканья часов раздавалось перещелкивание реле елочной гирлянды. В углу телевизор шуршал знакомыми монологами фильма «С легким паром», а мужская часть копошилась в настройках усилителя, проигрывателя и развешивании колонок.

Творческая часть населения пионерского лагеря готовила номера художественной самодеятельности по палатам. Звенели гитары, колокольчиком рассыпался ксилофон, а собранная из старых пионерских барабанов ударная установка разъезжалась в разные стороны, отчего была связана крепким шнуром и закреплена на табуретах.

Веселая новогодняя чехарда достигла своей кульминации к половине двенадцатого ночи, когда все, уже нарядившись в парадные платья и костюмы, собрались у елки.

На столе у входа стояли чайники с горячим чаем, бутылки с лимонадом, хлебницы из столовой украшенные мишурой, в которых лежали конфеты, печенье, вафли. Под красивой салфеткой на противне стоял испеченный пирог. Сногшибательно пахли абхазские мандарины, наполняя комнату особым новогодним ароматом.

Ровно в полночь в зал вошел начальник лагеря в костюме Деда Мороза. Речь его не отличалась цветистостью, но была строга, сердечна и недлинна. Пообщавшись с мальчишной минут тридцать он удалился в сопровождении взрослых, предоставив нам самим веселить и развлекать друг друга.

Откатав традиционную концертную программу, младшая часть населения отправилась отдыхать, а старшая перешла к танцуйкам.

В этот Новый Год у нас были новая пластинка «Веселых ребят» «Любовь огромная страна». В новогоднем зале, подсвеченном только переключаящимися лампами гирлянды, в сказочном лесу, только начинавшие взрослеть мальчишки танцевали с еще более юными девочками, слушая слова песни про любовь, затаив дыхание и боясь лишний раз прижать партнершу, или коснуться ее как-нибудь неаккуратно.

«Взгляд при встрече отведу, и пускай щемит в груди, я к тебе не подойду...» — звучали слова песни, а деревянные буратино и мальвины только начинали разбираться, что они означают.

«Что же мог в последний вечер я сказать тебе при встрече? Что такого я тебе сказал?» - выводили Александр Лерман и Анатолий Алешин, а танцующие в зале просто переносили сюжет песни на себя, кожей ощущая все те переживания, всю ту «химию», которая выносила мозг и заставляла сердце выдавать барабанную дробь, отмечая 120 ударов в минуту ударом колотушки в большой барабан.

Как всегда визит жолатого с предложением сворачивать «мероприятие» и отходить ко сну был некстати, не вовремя и, вообще, неправильным. Тем не менее, танцульки закончились и мы, как хозяева и постояльцы этого заведения, торжественно проводили всех баиньки.

Все. Теперь начинался собственно праздник. Припрятанный запас алкоголя давно провоцировал на активные действия, но, во-первых, танцевать с девчонкой «подшофе» было неправильным, а, во-вторых, надо было учесть чаянья пацанов, которые давали деньги.

Прибрав все в палате и расстелив койки, мы уж, было, приготовились доставать свой «НЗ», но в неожиданно дверь открылась, и вошел жолатый. Посмотрев на нас подозрительно, он собрал остатки конфет и пирога и ушел восвояси.

Та-да-дам! Вот он момент триумфа! Откупорить бутылки не составляло большого труда и, собрав чашки из-под чая, мы послали одного из нас за пацанами.

Молодой организм на морозе легко переносил тяготы и лишения лагерной жизни, но в 2 часа ночи силы его иссякли окончательно, оповестив дружным храпом о разряженных батарейках.

— Але! Чувачки, а как же праздник? — расталкивал спящих в кроватях Леха. Давайте отметим, как полагается! Для чего старались, для чего носы морозили, пока в Хомяки метались?

Когда в нашу палату стали заходить сомнамбулы в валенках на босу ногу стало ясно праздник для них кончился. Но что оплачено, то должно быть получено! Сонная очередь с закрытыми глазами подходила к столу, выпивала налитый бокал вина и, не приходя в сознание, бросив: «Спасибо» по кругу возвращалась в теплые койки. К нашему счастью, все это быстро кончилось. Две здоровенные бутылки были опростаны и надежно упрятаны. Но в полной неприкосновенности сохранились те, что предназначались нам!

Включив по-тихому телик, мы разлили по-первой и устали в экран, пораженные тем, как Муслим Магомаев с Тамарой

Синявской, незадолго до Нового Года ставшие мужем и женой, исполнили итальянский дуэт «Тиритомба».

Незаметно начались «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» и вторая бутылка, громокая по деревянному полу, закатилась под кровать.

Телевизионный экран затащила шипящая и искрящаяся полоса помех, когда наш «артзапас» был израсходован. Есть не хотелось, пить не хотелось, просто жутко хотелось спать.

Прибрав в палате, мы практически рухнули в кровати, намереваясь утонуть в сладкой неге чистого белья и забыться в мальчишеском сне о драках с поверженным противником и танцах с девчонками. В покидающее жизнь тело как отголосок ушедшего года откуда-то издали стучались фрагменты «Миссис Вандербилт» в исполнении все тех же «Веселых ребят» Павла Слободкина, но тело уже было не в состоянии воспринимать что-либо.

— Пацаны! А пойдем девчонок мазать! — как гром среди ясного неба громко прозвучал голос Лехи Кто со мной?

Панцирная сетка под его телом умоляюще закричала, и стало слышно, как он пытается в темноте засунуть голые ноги в валенки.

Самое правильное было притвориться спящим, тем более что это соответствовало истине. Однако то ли ноги были у Лехи кри-вые, то ли сам он был не в лучшей своей форме, но полусогнутое тело, с наполовину натянутыми валенками, набирая ускорение, пролетело через всю палату и врезалось в елку.

«Дзинь!» пропели шарики, разлетевшись в стороны.

— Ох! выдохнул Леха, — выбираясь из-под ели. Остаться в постели хотя бы по причине безопасности было уже невозможно.

Словно медведь-шатун, разбуженный от зимней спячки до срока, Леха, стоя на карачках, пытался выбраться из развешенных гирлянд, серпантина, бус и кусочков ваты, изображающих снег.

— Пустите меня, гады, я все равно пойду! — отбивался Леха, лишь запутываясь и наматывая на себя все новые слои украшений.

Было очевидно, что «артиллерийская подготовка» проявила свой убийный эффект и первой его жертвой стал Леха. Погибнуть он еще не успел, только снес новогоднюю елку со всеми игрушками, а вот храбрость перла из всех щелей, от чего вероятность грандиозного скандала становилась очевидной.

Спрыгнув с кровати и включив свет, я с ужасом почувствовал тошноту в горле и головокружение. Движенья мои были плавными и дугообразными, и сам я передвигался словно в вальсе кругами. Третий наш товарищ подняться не смог.

Леху надо было спасать и, растолкав Серегу, мы уже вдвоем стали вызволять Леху, пытаясь уложить его в кровать. Но не тут-то было! Он размахивал руками, вырывался и все намеревался бежать в одном, ему известном направлении. Выручили полотенца, с помощью которых удалось его привязать к металлическим спинкам кровати. Но тут пришла другая беда.

Разгоряченный отчаянной схваткой, молодой организм расслабился и отключил все жизненно важные функции. Точнее, выпустил их из-под контроля. Короче, Леху начало рвать. Он давился, сплевывал бурю кашу, кричал, что его хотят убить гады-немцы, что он не Зоя Космодемьянская и просто так не дастся! Кровать жалобно скрипела, скулила как побитая дворняжка, но держала привязанное тело. Наконец силы оставили его, и он уснул. Нет, не забылся, не задремал он просто вырубился и захрапел как надрывшийся в хлам денщик.

Мы с приятелем стояли посреди палаты с порушенной елкой, разорванными гирляндами, раскиданными бокалами, пустыми бутылками под кроватями и лужей испражнений неприятного запаха. Надо было что-то делать. И быстро!

Приученные к водно-половой жизни регулярными дежурствами в пионерском лагере мы убрали нечистоты, вымыли пол, спрятали испачканную простынь, предварительно ее застирав холодной водой, восстановили елку и ее убранство. В общем, видок у палаты был вполне приличный, если не считать покоцанных снежинок и легкого аромата, не похожего на запах хвои. Открыв форточки и очумев от морозного воздуха, мы как были в трусах,

майках и валенках на голые ноги, так и пошли опорожнять ведра на улицу.

Чуден утренний мороз в новогоднем лесу! Разлапистые ветви елей, чуть опущенные под тяжестью снега, легкий хруст под бодрящим шагом валенка, высыпавшие в черноту неба звезды, стихийно разбежавшиеся по команде «вольно» в разные стороны от зарождающегося месяца.

Однако любоваться всеми этими красотами нам было некогда. Два ведра из коридора, служившие ночным горшком, да два ведра с нашими «грехами», да еще отстрелянная «батарея» бутылок четкое попадалово для нашей компании все это нужно было уничтожить самым тщательным образом, что б ни каких улик! Выпростать ведра в летний туалет дело нехитрое. Сделав дело, Серега побежал назад в корпус, а мне предстояло избавиться от бутылок. Пробежав еще метров тридцать в сторону от корпуса, я забросил их за забор через дорогу в лес. Морозец стал чувствоваться, а вот от недавнего кайфа не осталось и следа.

Влетев в палату, я поставил чайник на электрическую плитку и согрел чаю. Серега протянул из-под одеяла озябшие руки и принял обжигающий бокал в студёные ладони. Пили молча. Молча выключили свет и уснули.

Первое утро нового года выдалось ясным и морозным. Солнце, проглядывающее через морозную пелену, искрилось по поверхности чуть осевшего снега. Ветер забыли пригласить на этот праздник жизни, поэтому, свалившиеся с верхних ветвей елей редкие снежинки, долго и неохотно кружились и кочевряжились, не желая ложиться на землю. Они хотели прожить свою жизнь в полете, и показывали это всем своим видом, всячески отодвигая момент приземления.

Народ вставал тяжело. Кто просто не выспался, а кто и по другой причине. Тем не менее, «война войной, а харч по расписанию»! И в нужное время мы дружно собрались в столовке.

Традиционную кашу в это утро заменили на картофельное пюре с селедкой, чему мы были несказанно рады. Наворачивая картошку создается такое чувство, что чего-то не хватает.

— Серег, а где Леха? — спросил я, все еще не вполне придя в себя после бурной ночи.

— Так он же лежит к кровати привязанный! — отозвался Серый.

В груди моей похолодело. И в это мгновение в столовую вошел Леха, румяный и выпавшийся, со взором родившегося Христа и ямочками на щечках.

— Привет честной компании! — бодро возвестил он.

— Что ж это вы, подельнички, товарища своего прозевали? Спите как сурки, а меня девчонки к кровати привязали! Хорошо вот вожатый отвязал! — придвигая стул и беря в руки вилку, продолжил он.

Его выступление мы оставили без комментариев, нагнув головы над тарелками и давясь картофельным пюре, чтоб не рассмеяться или не сболтнуть чего лишнего.

От лыжной прогулки в лес все категорически отказались, предпочтя ей катание на санках за автомобилем. А там закрутилось, завертелось.... Словно скатился с горы, и вот уже прошли каникулы.

Перед отъездом начальник лагеря подошел ко мне и по-своему спросил:

— Парни, а вы часом винцом не баловались? Я за забором нашел посуду, но вожатые и хоздвор отказываются.

— Григорыч! К нам замечания были? Мы же, как агнцы! на голубом глазу сотворив ангельское лихо соврал я.

— То-то, без замечаний... протяжно бубня себе под нос, повторил начальник, и, развернувшись, пошел по своим делам.

- Отцам бы вашим рассказать...- почему-то вспомнил Леха слова продавщицы.

- Да уж, встретили Новый Год! - хохотнули кореша, грузя в автобус свои «дрова» и шмотники.